

Жанна Кормина

Политические персонажи в современной агиографии: как Матрона Сталина благословляла¹

Жанна Владимировна Кормина

Государственный университет —
Высшая школа экономики
(Санкт-Петербургский филиал)
kormina@eu.spb.ru

Осенью 2008 г. в храме Равноапостольной Ольги под Санкт-Петербургом появилась икона, на которой были изображены святая Матрона Московская (1881–1952) и И.В. Сталин (1878–1953)². Первой об этом сообщила национал-патриотическая газета «Завтра», опубликовавшая интервью с автором идеи и заказчиком этого иконописного изображения настоятелем храма игуменом Евстафием (Жаковым)³. В краткой пре-

-
- ¹ Исследование выполнено при поддержке Научного фонда ГУ–ВШЭ, проект № 09–01–0060. За помощь в осуществлении проекта и ряд важных для этой статьи идей и формулировок я благодарна Сергею Штыркову.
- ² Автор иконы петербургский художник Илья Пивник познакомился с игуменом Евстафием еще в 1993 г., когда тот пригласил его работать на восстановлении храма Рождества Иоанна Предтечи в Старой Ладоге (Ленинградская область). И. Пивник выполнял для о. Евстафия и другие заказы, в частности икону новомученика Юрия Новицкого. Икону Матроны со Сталиным, по требованию о. Евстафия, художник переписывал дважды: не удавалось портретное сходство, заказчик хотел большей монументальности в фигуре Сталина (интервью с Ильей Пивником, февраль 2010 г.; полевой архив автора).
- ³ Родом из г. Иваново, по образованию врач, в 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию по философии на тему «Нейрофизиологические основы идеального отражения материального мира в форме субъективного образа». Восстановил несколько храмов, в т.ч. Серафима Саровского в г. Пудож (Карелия), Рождества Иоанна Предтечи в Старой Ладогe, святых апостолов Петра и Павла в Знаменке под Петергофом. Один из авторов националистического ресурса «Русская линия». Устраивает вечера романсов о Сталине собственного сочинения; утверждает, что является родственником В.И. Ленина; открыто заявляет о своих симпатиях к И.В. Сталину. Активно участвовал в кампании по подготовке канонизации Евгения Родионова, солдата срочной службы, погибшего в Чечне в середине 1990-х гг., повесил в своем храме в Знаменке его икону.

амбуле к интервью газета писала: *Сталин теперь — в одной из церквей. В той, что за Стрельней [так!], близ Петербурга. На иконе. В своей простой шинели, в какой его запомнили миллионы советских людей, смотрит на вас задумчивыми и глубокими глазами из-под густых бровей. Рядом с ним святая. Матрена Московская с нимбом вокруг головы осеняет красного цезаря крестным знаменем* [Бойков 2008]. Месяц спустя новость о Сталине на иконе появилась в «Новых известиях», а затем и в других печатных и интернет-изданиях, православных и светских, в телевизионных и радионовостях [Поздняев 2008; Пастухова, Коробов 2008; Молчанова 2008; Коняев 2008; НГ 2008; Петлянова 2008]. О том, что история с иконой стала настоящим скандалом, свидетельствует приглашение игумена Евстафия и дьякона Андрея Кураева в качестве его оппонента для участия в одном из самых популярных телешоу на центральном Первом канале¹.

На ток-шоу, защищаясь от обвинений Кураева в невежестве и самочинии, игумен Евстафий утверждал, что эта икона — всего-навсего увеличенное клеймо житийной иконы Матроны Московской, благополучно висящей в целом ряде православ-

С сайта газеты «Лимонка» (2008. № 332) <http://limonka.nbp-info.ru/332_article_1226840805.html>

С сайта информационно-аналитического агентства «Русская линия» (публикация 24.10.2008) <http://www.rusk.ru/news_rl/2008/10/24/stalin_na_ikone/>

¹ Телешоу «Пусть говорят» от 22 января 2008 г.

Икона И. Пивника;
в нижнем левом углу табличка
с именем благотворителя

Клеймо с житийной иконы Матроны
Московской из Никольского храма
в Старом Ваганькове

ных церквей¹, а ему лично история о посещении Матроны Сталиным осенью 1941 г. была известна давно, «годов с 1970-х». Главным аргументом Кураева было отсутствие этого сюжета в житии Матроны Московской, и следовательно, его неканоничность. Представляющий официальную позицию РПЦ Кураев и ряд его коллег заявляли, что произошедшее — локальная личная инициатива известного своей эксцентричностью батюшки, которую Церковь не поддерживает и даже осуждает.

Чтобы разобраться с происхождением слухов о визите Сталина к старице Матроне, нам придется обратиться к истории прославления этой исключительно популярной ныне святой.

Канонизация старицы

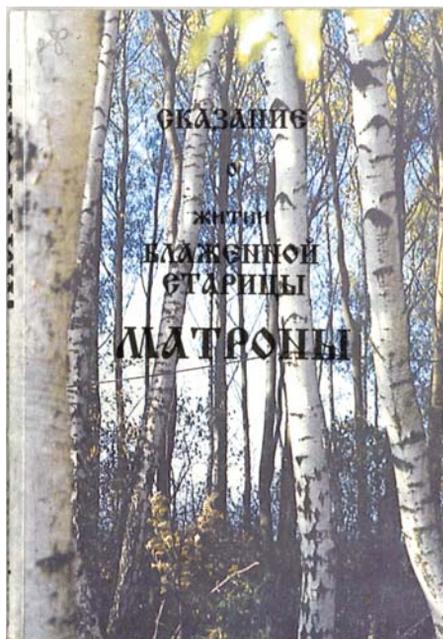
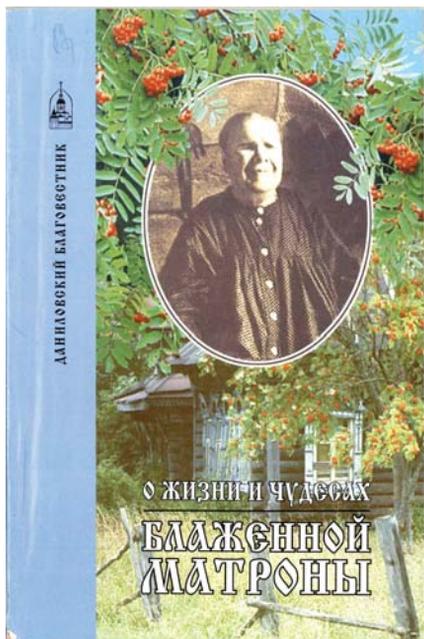
В 1993 г. в издательстве начавшего недавно восстанавливаться женского Ново-Голутвина монастыря в подмосковной Коломне вышла маленькая, в четверть листа, книжка на дешевой газетной бумаге с фотографией березок на обложке — «Сказание о житии блаженной старицы Матроны». Написала (или составила) книгу некая Зинаида Жданова, дочь односельчанки Матроны, удачно вышедшей замуж в Москве (за сына людей, у которых она работала прислугой). У матери Зинаиды слепая от

¹ Такое клеймо действительно есть, например, на житийной иконе Матроны Московской в церкви Николая Чудотворца в Старом Ваганькове (Москва). Я благодарна Веронике Макаровой, подтвердившей это.

рождения, парализованная Матрона, перебравшаяся в Москву из Тульской области в 1925 г., жила с 1942 по 1950 г.

К сожалению, никаких дополнительных биографических данных о Зинаиде Ждановой, за исключением сообщенных ею же в «Сказании», мне раздобыть не удалось. Согласно «Сказанию», в 1946 г. она окончила архитектурный институт в Москве, 6 января 1950 г. была осуждена по статье 58, п. 10–11 (участие в церковно-монархической группе [Сказание о житии... 1993: 126], очевидно в связи с проживанием Матроны в доме ее матери), реабилитирована в 1955 г. Книга представляет собой сборник рассказов о Матроне лично знавших ее людей, почти исключительно ее родственниц и односельчанок. Трудно представить, что в столь преклонном возрасте (род. в 1917 г.) Жданова отправилась в д. Себено Тульской области, чтобы встретиться с этими людьми, или отыскала их в Москве. Каким образом был написан текст этой книги, какова степень редакторской правки, осуществленной, по-видимому, кем-то из издательства Ново-Голутвина монастыря, — ответы на эти вопросы могут носить только гипотетический характер. Ясно, что редактор или скрывший свое имя соавтор имел некоторое представление о том, каким образом осуществляется подготовка к прославлению святого: собираются и публикуются свидетельства о его или ее жизни и чудотворениях. Текст написан разговорным, даже простонародным языком («ихний домик», «враз все просветлело», «он аккурат попал в плен», «ее прислужница» и проч.). Скорее всего, сохранение просторечий должно было служить доказательством аутентичности информации о Матроне: таким способом рисуется узнаваемый речевой портрет человека из народа, действительно приехавшего в Москву из деревни¹. Вероятно, составители или редакторы попросту сохранили индивидуальные особенности речи реальных рассказчиков, например, сделав расшифровку интервью с ними. Косвенным доказательством документальности может служить тот факт, что единственное агиографическое клише в тексте, позволяющее предположить некоторое знакомство рассказчицы с соответствующей традицией (соблюдение святым поста по средам и пятницам с рождения: Матрона младенцем не берет грудь в среду и пятницу, спит в эти дни сутками) [Сказание о житии... 1993: 26], обнаруживается в рассказе явно имевшей опыт регулярной церковной жизни А. Малаховой, которая, согласно второму изданию этой книжки, и занималась розыском тех, кто «знал Матушку, кто жил с ней в одном

¹ Вообще деревенское происхождение Матроны явно представляется в середине 1990-х гг. привлекательным: березки на обложке первого издания сменяются деревенским пейзажем с цветущей черемухой в издании Даниловского монастыря 1997 г. и с гроздьями рябины в издании 1998 г. [О жизни и чудесах 1997; 1998].

селе» [Житие и чудеса... 1998: 6]. Речь единственного рассказчика-мужчины сохраняет особенности мужской речи, в частности, только он называет профессию мужа Ждановой — тот «был инженером по возведению кессонных работ» [Сказание о житии... 1993: 63]. Все это говорит в пользу не только действительной документальности текстов, но и того, что организацией сбора материала и составлением текста должен был заниматься кто-то еще кроме Ждановой. Само название книги «Сказание о житии» свидетельствует о работе над текстом человека, вероятно, имеющего филологическое или историческое образование. Может быть, введение в заголовок слова «сказание» должно было не только добавить произведению эпичности и народности, но и сообщить о том, что это все-таки не житие и тем самым защитить книгу от возможной критики.

Любопытен сам факт появления такой книжки в недавно открытом женском монастыре. Можно предположить, что занятые устройением монастырской жизни насельницы, в основном молодые и образованные¹, инициировали кампанию по подготовке канонизации старицы Матроны, планируя сделать ее «своей» святой, которая привлечет в их обитель паломников и инвестиции. Однако после прославления Матроны в 1999 г.

¹ Настоятельница Ново-Голутвина монастыря Ксения (Зайцева) родилась в 1954 г. Окончила журфак МГУ, с юности дружна с группой петербургских художников круга В. Стерлигова (последователя и ученика Малевича). Стала игуменьей Свято-Троицкого Ново-Голутвина монастыря в 1990 г. в возрасте 36 лет.

как местночтимой московской святой ее мощи были переданы в московский Покровский монастырь на Таганке. Вероятно, так церковные власти решили поддержать только что начавшую функционировать обитель, которой еще предстояло решить труднейшую задачу освобождения (или захвата) монастырских зданий в центре Москвы от многочисленных светских обитателей. И действительно, мощи Матроны оказались внушительным символическим капиталом; они обеспечили массовый приток паломников и стали основой нынешнего процветания монастыря¹.

Матрона стала первой в истории РПЦ канонизированной *старицей*². К сожалению, современное старчество вообще остается областью мало исследованной³, а о женском старчестве практически ничего не написано. Небольшая небезынтересная книга священника А. Шантаева о святых блаженных-калеках в современной житийной литературе остается в рамках внутрицерковной дискуссии [Шантаев 2004]. Шантаев называет «Сказание о житии...» и ряд других современных агиографических сочинений о старицах «агиографическим китчем», упрекая авторов за отход от житийных канонов. «Китчу» он противопоставляет монастырскую агиографическую традицию, представленную житиями стариц Дивеевского монастыря. Написанная в 2001 г., книга ценна тем, что в ней впервые женское старчество — вернее, агиографическая литература о старицах — становится объектом исследования. Однако полемический характер сочинения не позволяет его автору предпринять беспристрастный анализ выбранного им предмета. Вопрос о причинах и траекториях «порчи» жанра им не рассматривается, а действительно распространенный в современном российском православии культ блаженных калек он объясняет скорее историософски — «великой усталостью нации, сломившей себя в изнурительном покорении вершин» [Шантаев 2004: 70].

¹ О том, что спор о мощах существовал, свидетельствует нарратив о сне некой москвички Н.М. Швыриной в ночь с 4 на 5 декабря 1996 г. В этом сне она приходит на Даниловское кладбище к могиле Матроны, но на месте могилы обнаруживает фонтан; Матрона, явившаяся ей «в зеленых ризах и лиловом омофоре», говорит, что могилки у нее еще нет: «Хотят увезти меня в тьмутаракань и там положить. Да только я туда не пойду. Я — московская чудотворица и буду лежать только в стольном граде Москве». Она хочет лежать в большом храме, например, преподобного Сергия Радонежского в Рогожской слободе: «Раз я на небесах в обителях Преподобного пребываю, то и на земле хочу в его храме покоиться» [Житие и чудеса... 1998: 187–188]. Подразумевалась ли под «тьмутараканью» Коломна с Ново-Голутвинным монастырем или какое-то другое место, нам не известно.

² Официального чина «старица» в номенклатуре святых (пока) не существует. Матрона канонизирована как праведная, но даже в таком официальном документе, как Определение Патриарха Московского и Всея Руси о канонизации она именуется также блаженной и старицей: «1. Причислить к лику праведных для местного церковного почитания в городе Москве и Московской епархии старицу Матрону Московскую. <...> 3. Память блаженной Матроне Московской совершать в день ее преставления» [Житие и чудеса... 1999: 68].

³ Едва ли не единственное исключение в светской историографии — два небольших раздела в книге Н.М. Митрохина [Митрохин 2004: 92–106] и его же статья [Митрохин 2006].

Продолжила критику «агиографического китча» светская исследовательница М.М. Лоевская в статье и защищенной в МГУ докторской диссертации [Лоевская 2005а; 2005б]. Указав на то, что уже в конце XIX в. жития святых «часто были неудачными», Лоевская пишет, что к концу XX в. качество агиографических сочинений совсем испортилось: «в ущерб житийной ясности и простоте стали преобладать дешевые художественные эффекты и визионерство» [Лоевская 2005а: 104]. Автор полагает, что современная агиография плохо исследована, потому что качество ее «ниже любого уровня критики», а для спасения жанра необходимо «воссоздать почву христианской духовности». Лоевская верно указывает на популярность творений «горе-агиографов» [Лоевская 2005а: 103], однако ничего, кроме испорченного, невежественного православия, не имеющего права на существование, она в них не видит.

Еще одна специальная работа о женской святости в России XX в. издана недавно финской русисткой Элиной Кахла. Этот труд, составленный из статей и докладов разных лет, отличает методологическая неуверенность, маскируемая, как это часто бывает, суждениями метафизического характера, вроде утверждений о «биполярной природе русской души». В этом Кахла близка не читавшей ее Лоевской: последняя подменяет аналитическую работу с замеченными ею особенностями современной агиографии констатацией особой психологии русского народа, с неизбежностью проявившейся в этих текстах [Лоевская 2005а: 106–107]¹. Трудно согласиться и с некоторыми более частными идеями Элины Кахла, в частности, с предположением, что житие Матроны было сфабриковано органами госбезопасности, чтобы культивировать в верующих политический конформизм [Kahla 2007: 97–98]².

Все три автора находятся вне обширной и продуктивной академической дискуссии о народной (повседневной, низовой и т.п.) религиозности, развернувшейся среди историков и антропологов. Мне известны два интересных опыта такого рода: магистерская работа о современном русском юродстве Натальи Окашевой, где целая глава посвящена агиографии Матроны, и доклад о почитании Матроны британской русистки Беттины Вайхерт [Окашева 2004; Weichert 2003]. К сожалению, обе они не были опубликованы. Работы же Шантаева и Лоевской, строго говоря, вообще вряд ли могут быть названы научными; они

¹ При этом автор ссылается, как водится, на по-школярски понятых классиков: Достоевского, Толстого, Лескова и Салтыкова-Щедрина. Впрочем, без ссылок на конкретные произведения.

² Это предположение основано на двух фактах из «Сказания»: визита к Матроне Сталина и спокойной реакции Матроны на известие о том, что регулярно посещавший ее священник сотрудничал с органами госбезопасности.

скорее представляют одну из существующих в православной среде точек зрения на новейшую агиографию, наиболее отчетливо и страстно сформулированную в книге А. Кураева «Оккультизм в православии» [Кураев 1998]. Лоевская в своей статье прямо воспроизводит целый ряд идей и логических построений Кураева, при этом по каким-то неизвестным нам причинам на него не ссылаясь.

В настоящей статье я буду придерживаться традиционной для антропологии религии позиции методологического агностицизма. Эта позиция позволяет избежать тупикового для антропологического исследования нормативного подхода к социальным фактам. Понимая религиозность и, в частности, формирование и использование образа святой как процесс, я буду говорить о двух конкурирующих тенденциях в агиографии (и, может быть, в религиозной жизни вообще): консервативной, направленной на точное воспроизводство сложившегося агиографического нарратива, и креативной, порождающей новые тексты и смыслы¹. До некоторой степени эти две тенденции соответствуют принятому в антропологических исследованиях религии разделению на официальную и народную религиозность²; однако процессуальный подход позволяет избежать схематизма, диктуемого вводимой оппозицией, и, главное, точнее описать современную религиозную повседневность, где основательно размыты границы как между «официальным» и «народным», так и между религиозным и светским.

Анализ агиографических публикаций середины 1990-х гг. показывает, что идея прославления такой принципиально новой святой — *старицы* — возникла не на пустом месте. В православной среде этого времени сформировался повышенный спрос на женских святых определенного типа — мирянка, инвалид (слепая от рождения и/или парализованная) или юрродивая деревенского происхождения, жившая в советское время и почитаемая как старица, т.е. духовная наставница, обладающая даром предсказания и, как правило, целительства. Показательно, что канонизированная в 1996 г. как местночтимая святая Московской епархии преподобная (монахиня) Рахиль Бородинская (1833–1928) не получила широкого народного почитания.

¹ Так, вся агиографическая литература о Матроне может быть разделена на два типа: креативная и консервативная. К первой я отношу ту житийную литературу о Матроне, в которой происходит приращение информации; ко второй — такую, которая ориентирована на внесение корректив (за счет купюр) в первоисточник. К первой группе принадлежат само «Сказание», его исправленное переиздание братством Александра Невского и новейшие авторские варианты жития. Агиографические издания второго типа осуществляются от имени официальной Церкви.

² См. об этой дискуссии: [Панченко 1999; Штырков 2006].

Принимая решение о канонизации Матроны, Церковь поддержала одну инициативу из нескольких подобных, казавшихся, видимо, канонически менее приемлемыми или политически неоправданными. Одновременно с публикацией «Сказания» выходит первое издание книги этнографа-любителя и журналиста Геннадия Дурасова о его духовной матери старице схимонахине Макарии Темкинской (1926–1993) [Дурасов 1994], подвизавшейся в Смоленской области. Год спустя в светском издательстве «Литературная учеба» появляется большой материал Анны Ильинской о киевской «блаженной старице Алипии» (1910–1988) [Ильинская 1994]. Двумя годами позже в нескольких выпусках ежемесячной газеты «Жизнь вечная» некто К.В.П. публикует наполненные апокалипсическими идеями и антиклерикальными настроениями воспоминания о старице Пелагее Рязанской (1890–1966) ее крестного сына Петра [К.В.П. 1996; К.В.П. 1997]¹. Все три публикации были жестко раскритикованы Андреем Кураевым в разделе «Второе пришествие апокрифов» упомянутой книги «Оккультизм в православии» [Кураев 1998]. В настоящее время разные православные сайты упоминают их как не рекомендованные для чтения, содержащие «сектантские идеи» или просто «обман»². «Сказание» также было включено Кураевым в число «псевдоцерковных книг, на которые надо ставить гриф “Перед прочтением сечь”» [Кураев 1998: 215].

Героинь этих агиографических сочинений ждала разная судьба. Канонизационная комиссия отклонила «Сказание» в качестве основы для канонизации Матроны, но все же приняла решение о прославлении этой святой как местночтимой. В 1998 г. состоялось обретение мощей, годом позже Матрона (Никонова) была прославлена как местночтимая святая Московской, а затем и Тульской епархии. Почитание ее приняло такие грандиозные размеры, что в 2004 г., по личной инициативе патриарха Алексия II, Матрона была прославлена уже для всецерковного почитания [Ювеналий 2004]³. Макария и Алипия не были прославлены, однако активисты их канонизации до сих пор не оставили надежды на успех своего предприятия. Книга Дурасова о Макарии вышла уже шестым изданием, в сумме — почти полумиллионным тиражом; су-

¹ Газета «Жизнь вечная» издавалась в 1994–1999 гг. в Москве, гл. ред. Василий Хохлов, издатель — АОЗТ «Капитал Спортс Интернэшнл», тираж 30 000.

² Например, сайт Правкнига <<http://www.pravkniga.ru/>> поместил их в раздел «Осторожно, обман!».

³ «Ежедневно Покровский монастырь в Москве, где покоятся мощи праведницы, посещает около 5000 паломников, а в дни памяти святой — не менее 20 000 человек. На поклонение святой едут из многих стран. Почти во всех храмах Русской Православной Церкви имеется ее образ, многие епархии и монастыри обратились к Святейшему Патриарху с просьбой получить частицы святых мощей блаженной Матроны. В самой Покровской обители собраны многие сотни свидетельств о чудесной помощи, полученной богомольцами по молитвам к святой старице» [Ювеналий 2004].

ществует «Народный музей» Макарии и организуются паломнические поездки на ее родину в д. Темкино Смоленской области, несмотря на то, что идея ее прославления, по данным Н.М. Митрохина, еще в 2001 г. вызвала «жесткую критику патриарха» [Митрохин 2004: 95]¹. Публикацию московской писательницы А. Ильинской о старице Алипии ее «духовные чада не приняли» [На пажити Богоматери 2007: 186]. Только в начале 2000-х гг. продолжилась работа по подготовке материалов для канонизации, был составлен акафист [На пажити Богоматери 2001; 2005; 2007; Савчук, Удовиченко 2004; 2005]. Однако, поскольку еще до Ильинской эта работа была начата вышедшим из юрисдикции РПЦ МП Олегом Моленко, основателем и главой Церкви Иоанна Богослова², предъявляющим права своей Церкви на эту старицу, возможность ее канонизации для РПЦ МП сомнительна. Пелагея Рязанская, вместе с Иваном Грозным и Григорием Распутиным, вошла в сонм святых, почитаемых радикальными фундаменталистами. Поэтому предпринимаемые ныне попытки ее «реабилитации» в новых, очень умеренных вариантах жития, вряд ли могут увенчаться успехом³.

Внутрицерковная критика «Сказания», начатая А. Кураевым, главным образом фокусируется на такой канонически небезупречной специализации Матроны, как исцеление от порчи через изгнание беса: «Это скорее жизнеописание какой-нибудь магической целительницы и ясновидицы вроде Ванги, но не христианки» [Кураев 1998: 217]. В тексте «Сказания» приводятся описания процедуры избавления от порчи посетителей Матроны — в основном таких же, как она, мигрантов, переехавших из деревни в большой город, ее односельчан и дальних родственников — очень близкие традиционным фольклорным нарративам о колдовстве: *Одну большую привезли, порченная была. Матрона ей рукой по голове водит, другой рукой крестит, а сама читает. Большую вырвало в таз, враг вышел, ящерица с рожками, и кружит по тазу. Мать плеснула в таз кипятку, ящерица сдохла, она ее в туалет спустила.*

¹ Согласно Н. Митрохину, официальную Церковь беспокоит вопрос о присвоении Макарией и Пелагеей функций священства, таких как исполнение таинств, и критика попыток канонизации вызвана необходимостью «обороны от женского священства» [Митрохин 2004: 95]. В отличие от Макарии и Пелагеи, Матрона подчиняется церковной иерархии: она советует не бегать по старцам и отказывается менять священника, заподозренного в сотрудничестве с органами госбезопасности [Там же: 95, сн. 7].

² Олег Моленко (Урюпин Олег Федорович), 1954 г.р., после смены нескольких церковных юрисдикций основал собственную религиозную организацию харизматического типа — Единую Святую Соборную Апостольскую Церковь Святого Иоанна Богослова Истинно Православного Вероисповедания. Сейчас живет в Канаде. РПЦ называет эту организацию «псевдоправославной церковью» и ведет с нею довольно активную борьбу.

³ См., например, недавнюю книгу о Пелагее рязанского православного журналиста И.В. Евсина [Евсин 2006].

А Матрона потом сказала: Надо было ее посадить в баночку и закрыть крышечкой, ведьма бы сама и пришла [Сказание о житии... 1993: 50]. Указывает Кураев и на ряд догматически сомнительных историй, зафиксированных в этой книге. Он заявляет даже, что в случае церковной канонизации он сам вряд ли сможет искренне молиться Матроне: *Книжка Ждановой содержит слишком много оскорбительных для христианского слуха высказываний, которые звучат от имени Матроны. И пока не доказано, что сама Матрона этих слов не говорила, — я буду проходить мимо ее икон. Если Матрона действительно святая, — она на меня не обидится, ибо, во-первых, святые не обижаются, а во-вторых, она будет знать мотивы моего прохладного отношения к ней [Кураев 1998: 112, сн. 309].* Кураев не одинок в своем неприятии Матроны. С ним солидарен уже упоминавшийся священник РПЦ Александр Шантаев: *Святость такого рода покидает пределы церковной традиции и обретается более в полустихийном полуязыческом космосе, непросвещенном светом евангельского учения» [Шантаев 2004: 54].*

Поскольку никаких других источников, кроме неоднократно издававшегося большими тиражами «Сказания», для составления жития и акафиста не было, оно фактически и легло в их основу. Изгнание бесов как особое призвание этой святой зафиксировано в тексте акафиста¹, составленного к прославлению Матроны Московской: «беснующимся — духов злобы отгнание» (Икос 5); «непрестанно ведущи брань с силами тьмы, обличающи козни и коварства их и изгоняющи бесы от одержимых» (Кондак 9); «добрая воительнице Христова, мечем молитвы демонския полки устрашающая» (Икос 11).

Однако не истории о поражающих воображение случаях экзорцизма волнуют современных почитателей Матроны — в более поздних версиях жития, равно канонических и «вольных», эти сюжеты совершенно исчезают, видимо, как раз по причине своей фольклорности. В то же время история встречи Матроны со Сталиным, вообще не замеченная Кураевым, оказывается на удивление живучей. Будучи изгнанной из официальной версии жития, она появляется, видоизменяясь, в разнообразных авторских его вариантах и получает визуальное воплощение в иконографии.

¹ Есть два акафиста Матроне; первый, назовем его каноническим, публикуется в основном в изданиях Покровского монастыря, где находятся мощи Матроны; во всех светских и других церковных изданиях публикуется обычно второй акафист, назовем его альтернативным. Во втором акафисте сюжет изгнания бесов также представлен: «бесов от человек страждущих изгоняющая» (Икос 5); «безкровная мученице Христова, злейшаго мучителя, диавола, победительнице» (Икос 7); «ты же недуги изгоняла еси, бесов изгоняла еси» (Кондак 12). См. также сн. 2 на с. 17.

Визит Сталина к Матроне: версии

В «Сказании» сюжет посещения Сталиным Матроны осенью 1941 г. встречается дважды: в пространной версии, представленной в форме мемората, и версии сжатой. Начнем с первой, записанной от уже упоминавшейся Антонины Борисовны Малаховой, которой позже, при подготовке Матроны к канонизации, будет поручено фиксировать свидетельства о чудесах на могиле [На могиле Матушки 1997: 120].

*В августе 1989 года на кладбище, где захоронена мать Матрона, пришла женщина лет восьмидесяти и сказала Антонине¹, которая постоянно ухаживает за могилой Матронушки, что она дочь подруги матери Матроны. <Она рассказала:> «Мой дядя, Никита Ермаков, работал во время войны в Кремле, подвозил продукты. Когда немцы приблизились к Москве, вот-вот возьмут, то Сталин стал готовиться к выезду из Москвы. Мой дядя сумел к нему подойти и сказать, что есть такая блаженная мать Матрона, прозорливая, которая может сказать Вам, как поступить: уезжать или нет. И дал адрес. К ней он приезжал, она сказала: **“Русский народ победит, победа будет за тобой. Из начальства ты один не выедешь из Москвы”**»². Антонина это слышала раньше, но не верила. После рассказа дочери подруги матери Матушки Матроны, она вспомнила рассказ академика Александра Николаевича Бакулева, который лежал в 1964 году в первой городской больнице, в институте сердечно-сосудистой хирургии (он построил этот корпус на свои деньги), где работала медсестрой Антонина, обслуживая этот пост. Он доверительно относился к Антонине и сказал: «Спрашивай у меня все, что захочешь, я сам начал работать санитаром, я такой же простой человек, как и ты». Антонине пришла мысль спросить, почему после смерти Сталина его так унизили? Он ответил, что Сталин расстрелял много, очень много хороших людей, а я на это отвечала, что ему Берия подсовывал документы, которые вредили Русскому народу и государству. «Как же не было никого, кто раскрыл бы ему глаза на все?» — «А почему же народ так его хоронил?» Бакулев ответил: «Потому что все знали, что он до последнего не покинул Москву».*

Как-то Бакулев рассказал Антонине, что Сталин до последнего не покинул Москву. В это время Бакулев был вместе с ним, главным хирургом г. Москвы — все командование отступлением было на Сталине. «Мы со Сталиным И.В. сутками не спали. По сооб-

¹ Согласно «Сказанию», она родилась в деревне в восьми километрах от Себено, впервые посетила Матрону вместе со своей матерью в возрасте 22 лет в 1951 г. Работала в больнице — сначала в котельной, потом главврач повысил ее до завскладом, затем стала работать в бухгалтерии; наконец «выучилась» и стала медсестрой.

² Выделено в оригинале.

цению, что немец завтра будет в Москве, мы вечером с семьями отправились на Белорусский вокзал, с которого отправлялось ранее все Правительство, в 21 час. Сели в поезд. Утром видим в окно, что мы на месте, при вокзале. В вагоне был телефон — я первый проснулся, взял трубку, спросил: «В чем дело, почему нас не отправили?» Мне ответили: “Немцы отступили от Москвы”». Таким образом подтвердились и исполнились слова Матушки, что он один из начальства не выйдет из Москвы» [Сказание о жизни... 1993: 26–28].

В этом тексте о встрече Матроны со Сталиным видны следы широкой общественной дискуссии второй половины 1980-х — начала 1990-х гг. о роли Сталина в советской истории, в частности, его личной ответственности за репрессии 1930-х гг. и личного вклада в победу СССР во Второй мировой войне. В беседе с А.Н. Бакулевым (1890–1967, из вятских крестьян, известный врач-хирург, удостоенных многих государственных наград, с 1941 по 1953 г. — главный хирург лечебно-санитарного управления Кремля) Антонина предлагает типично фольклорное представление о добром царе, которого обманывают коварные чиновники (Берия, Каганович¹). Академик Бакулев и медсестра Антонина представляют в этом отрывке «интеллигентскую» и «народную» версии оценки советской истории 1930–1950-х гг. Им удается прийти к компромиссному решению: осудить Сталина за репрессии, но оправдать за то, что он «не покинул Москву» и выиграл войну. Правда, для основной цели вставки с рассказом о беседах с Бакулевым эта дискуссия о Сталине факультативна; она нужна автору, прежде всего, для того, чтобы документально, со ссылкой на авторитетный источник, подтвердить прозорливость Матроны: сказала, что он не покинет Москву, и так оно и случилось.

«Сказание» отличает обилие реалистических деталей, говорящих многое о среде, в которой поддерживалось почитание Матроны Московской, — советских крестьянах. В него вошли истории о коллективизации и раскулачивании, о помощи Матроны в продаже коровы, которую для этого ведут из Тульской области в Москву и т.п. Все эти истории рассказывают об ошибках, которые можно исправить, обратившись к вышестоящему начальству и заручившись поддержкой Матроны. При этом помощь Матроны осуществляется не через ее вмешательство в решения «начальства», а через чудесное обеспечение до-

¹ Как-то сказала: «Кто знает, может Господь и простит Сталина. Он сам пленник». Я спросила: «У кого?» Она — «У Кагановича и всех Тех!» Показывала, как перед смертью Сталин будет кричать: «Что вы, что вы!» А по одной стороне постели будет стоять Каганович, а по другой стороне сестра его. «Что хотите делать со мной?» А Они наложат подушку на него. Это было сказано Матронушкой в 1943 году [Сказание о жизни... 1993: 113–114].

ступа к нему. Например, девушке Шуре обращение к Матроне помогает обойти огромную очередь к Калинину: *Неожиданно к ней подошла незнакомая женщина, сказала: «Пойдемте со мной, я вас другим ходом проведу». Провела кругом, поднялись они на 7-й этаж, и в кабинет Калинина. Он говорит: «Садитесь, что случилось у вас?» «У нас взяли лошадь, корову и землю, — отвечает Шурка, — что ж нам, помирать с голоду?» «Нет, это неправильно, вам все отдадут. Идите, не волнуйтесь». На другой день она уехала домой. Тетя Наташа ее встречает: «Шурка, где ты была-то? Все нам отдали — корову, лошадь». Так они и жили единичниками [Сказание о житии... 1993: 20–21]. Иными словами, Матрона ведет себя как традиционная деревенская «знающая», которая может, при помощи специальных молитв или заговоров, обеспечить доступ к властям.*

Интересно, что в рассказах об арестах и несправедливом раскулачивании отсутствует какая-либо критика советского режима. Обратившая внимание на это обстоятельство Э. Кахла трактует его как призыв составителей жития к лояльности светским властям, приспособлению к существующему порядку [Kahla 2007: 97–98]. Однако важно понимать, что житие написано после падения советской системы, и у агиографов не было причин эту систему оправдывать. Думается, эта особенность текста дает возможность делать выводы не о политической позиции агиографов, а о модусе их религиозной креативности. Здесь мы имеем дело с попыткой вывести новую формулу святости. Святость Матроны и других советских стариц заключается не в борьбе с властями, а в принятии новых условий существования православной веры. Собственно, феномен женского старчества является продуктом советского православия, вернее, его постсоветского осмысления.

Деревенское происхождение почитателей Матроны явствует и из таких ее чудес, как обличение женщины, продававшей молоко, в которое попала мышь, помощь в поиске потерявшихся лошадей, советы относительно покупки коровы и пр. Неудивительно, что все эти истории совершенно исчезают из последующих популярных кратких изданий жития Матроны — вероятно, слишком они экзотичны для современного читателя. В то же время «деревенские» истории сохраняются в монастырских изданиях жития — и Ново-Голутвина, и Свято-Покровского, где находятся мощи Матроны.

История о встрече со Сталиным, организованной через земляческую сеть деревенских мигрантов из Себено, также не вошла в последующие многочисленные издания жития Матроны. Исключением является переиздание «Сказания» братством Александра Невского в Переславле-Залесском совместно с Ново-

Голутвиным монастырем, но и в нем первоначальный рассказ укорочен и значительно отредактирован. Приведу его начало:

Мой сын [рассказчицы, поведавшей свою историю А. Малаховой; в первоначальной версии дядя. — Ж.К.] во время войны подвозил продукты в Кремль. И однажды, увидев Сталина, он набрался смелости и сказал ему: «Иосиф Виссарионович, вы хотите узнать, кто выиграет войну? Есть прозорливая женщина, которая может Вам все рассказать. Она живет по адресу: Арбат, Староконюшенный переулок». И вскоре Сталин действительно посетил блаженную Матрону. Это было в 1941 г. Блаженная Матрона его приняла и постучала по правому плечу: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Ты один из начальства не покинешь Москву» [Житие и чудеса 1998: 60; Житие и чудеса 2006: 60].

В этом варианте сюжета упрощенный «земляческий» нарратив соединяется с другим, более коротким рассказом из текста Ждановой: *Люди рассказывают, что Сталин был у Матроны, она ему не велела уезжать из Москвы, похлопала его по правому плечу и сказала: «Красный петух победит» [Сказание о житии... 1993: 77].*

Предсказание победы красного петуха (над белым)¹ — сюжет, типичный для крестьянского эсхатологического фольклора, — лишний раз указывает на социальную среду, в которой происходило почитание Матроны. В такого рода рассказах эта битва обычно соотносится с победой русских (красного петуха) в Великой Отечественной войне (ср.: [Народная Библия 2004: 408–410; Панченко 2006: 236, 243]). Как правило, при этом сообщается, что предсказание исхода битвы записано в Библии; см., например: <Во время войны в Луганске> *бабка по Библии читала, што красный петух белово победит: красный петух — мы, а белый — немец» [Мороз 2006: 270].* В современных «городских» текстах о Матроне «красный петух» утрачивает фольклорные эсхатологические коннотации (см. о них: [Панченко 2004: 363]), становясь просто примером иносказательности, вообще свойственной речи старцев.

В большинстве вариантов жития Матроны «земляческий» нарратив вообще исчезает; встреча Матроны со Сталиным теряет характер частного визита, устроенного при посредничестве земляка Матроны, привозившего в Кремль продукты; меморат уступает место фабулату. Вот как пересказывает этот сюжет православная писательница, «профессиональный текстолог» Инесса Серова, которая «в свое время училась у знаменитого

¹ Цвет «русского» петуха определенно связан с именованием соответствующей, Красной Армии, противником которой была армия Белая; отсюда цвет петуха-соперника, ср.: [Козлова 2008].

Дмитрия Сергеевича Лихачева работе с текстом» [Серова 2009: 17–18], в выдержавшей уже несколько переизданий книжке из серии «Помощь святым»:

Не могу прокомментировать эти сведения — были они или небыль. Но рассказывают в народе такое. К Матронушке в комнату в Староконюшенном переулке на Арбате приезжал осенью 1942 [так! — Ж.К.] сам Сталин. Ему рассказали, что живет в Москве блаженная прозорливица старица Матрона, которая своими молитвами город держит, врагу в него войти не дает. Вот Сталин и пошел спрашивать совета, не сдать ли ему, как Кутузову, Москву. По легенде, Матронушка благословила его собраться с духом и силами. (Так Сергей Радонежский напутствовал Дмитрия Донского перед Куликовской битвой.)

Она маленьким своим пухлым кулачком постучала вождя всех времен и народов по лбу и сказала: «Москву не сдавай, думай-думай, а как придет Александр Невский, так всех за собой и поведет... Все наше воинство небесное тебе помогает. Красный петух черного заклюет. Помогут тебе рассеять тучи сатанинские» [Серова 2009: 71].

От первоначального текста в версии Серовой остается только «красный петух». Его фольклорный белый противник по велению автора становится черным, вероятно, из-за соседства с «тучами сатанинскими». Покровительственно-ободряющее похлопывание по плечу заменяется на постукивание по лбу, видимо, более понятное читателям, ожидающим от старцев юродского поведения. Если в книжке Ждановой Иосиф Сталин идет к прозорливой Матроне Никоновой за советом как частное лицо, то в тексте Серовой политический лидер православного государства отправляется за благословением к святой старице. Он становится эпическим героем, сопоставимым со святыми Дмитрием Донским и Александром Невским.

Как уже говорилось, сюжет о встрече православной святой и главы советского государства не вошел в официальный вариант жития Матроны, изданный к ее канонизации. Однако чрезвычайная популярность этой святой порождает высокий спрос на литературу о ней и стимулирует издательства и авторов к публикации агиографических материалов. При этом у Церкви, видимо, нет инструментов контроля качества православной продукции, выпускаемой существующими в условиях относительно либерального рынка издательствами, в том числе православными. Поэтому признанный апокрифическим сюжет появляется в книжках о Матроне, даже изданных с благословения того или иного церковного иерарха.

Вообще вопрос о том, какие православные издания считать признанными официальной Церковью, а какие — нет, совсем не прост. Практически не существует формальных издательских характеристик книги, которые могут быть надежным свидетельством ее каноничности. Подвергнувшееся критике Комиссии по канонизации святых «Сказание» опубликовано маленьким монастырским издательством, но первое переиздание, сохранившее практически весь текст оригинала, включая историю о встрече со Сталиным, сделано в солидном издательстве Свято-Данилова монастыря, от которого логично было бы ожидать серьезной цензуры [Жизнеописание... 1996], тем более что на книжке стоит благословение Патриарха. Благословение епископа или Патриарха на форзаце книжки, относительно недавно введенное в православный издательский обиход, видимо, с целью контроля над качеством выпускаемой литературы, также не является гарантией соответствия текста церковным канонам. Во-первых, разные епископы внутри Церкви нередко занимают несхожие позиции и можно попросить благословения у наиболее «подходящего»; во-вторых, благословение может быть получено устно и понято вольно, не обязательно как разрешение на какое-то конкретное дело или книгу. В случае с благословением старцев, которые, как известно, склонны говорить притчами, не отвечать на поставленный вопрос и т.п., получение благословения часто становится вопросом личной герменевтической находчивости.

Ситуация еще более осложняется тем обстоятельством, что и светские издательства нередко берутся за публикацию книг как будто православного содержания. Некоторые считают полезным, для улучшения продажи тиража, получить благословение на книгу. Другие, видимо, уверенные в том, что популярность выбранной темы достаточна для обеспечения успешных продаж, обходятся без этого. На первом издании книги И.Ю. Серовой благословения нет, как нет его и на брошюре, выпущенной под вымышленным именем Анны Чудновой в издательстве АСТ¹. В обеих этих книгах помещен также альтернативный акафист Матроне, согласно Чудновой, продиктованный самой святой некоей рабе божьей Наталье [Чуднова 2009: 96–105] (в тексте Серовой этот же акафист помещен без комментариев)². В книге Чудновой размещен и текст службы

¹ В этом издательстве под этим же именем в 1999 г. вышли, например, следующие книги: «Целительный свет. Избавляемся от всех болезней за 20 минут в день»; «Тибетский гриб: новые возможности, усиленные Луной»; «Универсальное средство от всех болезней. Тренажер Фролова».

² Этот же акафист помещается и в других светских изданиях, например, в житии Матроны [Рассказы... 2005: 47–61], имеющем, кстати, благословение — почему-то епископа Шадринского и Курганского, и книжке о чудесной помощи Матроны и Ксении Петербургской [Семенова 2005: 127–137]. Подробный анализ различий между двумя вариантами акафиста Матроне выходит за рамки этой статьи. Отмечу только, что в альтернативном варианте Матрона послана Богом «в последние

святой праведной Матроне Московской [Чуднова 2009: 106–121]. В глазах неискушенного потребителя православной «литературы для народа» нет разницы между книжкой с официально признанным житием и акафистом и их разнообразными авторскими вариантами: достаточно темы и оформления книги (икона на обложке, особые шрифты), чтобы сделать ее легитимной. В этой ситуации рыночной конкуренции выживание сюжета о благословении Матроны Сталиным (этнографические истории об изгнании беса не попадают в такие издания) свидетельствует о его востребованности в читательской среде.

Завершая краткий экскурс в область православного книгоиздания, замечу, что ситуацию на этом рынке может изменить введенная в 2009 г. система грифования книг Издательским советом РПЦ. Так, второе, доработанное и исправленное, издание книги И. Серовой получило гриф «разрешено к печати издательским советом Русской православной церкви» после внесения в текст ряда изменений. В частности, по требованию рецензентов, из текста был удален сюжет с благословением Матроной Сталина¹ [Серова 2010].

Церковный сталинизм

Публичное обсуждение сюжета о встрече Матроны со Сталиным (или о благословении Сталина Матроной) происходит в рамках дискуссии о *церковном*, или *православном* сталинизме. Так публицисты и исследователи называют заметную в современной церковной среде тенденцию видеть в Сталине православного, а следовательно, «хорошего» правителя. Предполагается, что Сталин, когда-то учившийся в православной духовной семинарии, в годы Великой Отечественной войны обратился к вере, и результатом его личного обращения стало

сия времена», пришедшие «за отступление от Бога и нераскаянность во многочисленных гресех» (Икос 7) [Рассказы... 2005: 53–54], а в раннем, каноническом, она несла свой подвиг «во дни лихолетия во Отечестве нашем» и наставляла «словом и делом» маловерных и заблудших (Икос 7), «во ограду церковную расточенныя овцы собирающая» (Икос 6). [Житие и акафист... 2004: 118]. Иными словами, второй (новый) вариант акафиста, публикуемый светскими издательствами в дешевых книжках для народа, созвучен эсхатологическим настроениям «России перед вторым пришествием» (см. подробно далее), в отличие от его канонического варианта.

¹ Из устной беседы с И. Серовой, 16.03.2010. Любопытно, что И. Серова вообще услышала о Матроне Московской всего за несколько месяцев до того, как села в писать о ней книгу [Серова 2009: 13–14], т.е. обращение к этой святой диктовалось соображениями конъюнктуры рынка, профессиональным интересом. Успеху книги (совокупный тираж, по словам И. Серовой, составил 250 тысяч экземпляров; в 2010 г. выпущено подарочное издание и начитанная ею самой аудиокнига) способствовал, видимо, подчеркнуто женский стиль повествования. Она написана от лица женщины с непростой судьбой, пришедшей к вере недавно, в результате серьезного личного кризиса, и обращена к таким же страдавшим женщинам.

изменение политики государства в отношении Православной церкви.

Бить тревогу по поводу такой апологии Сталина Церковь начала совсем недавно, хотя тексты, зафиксировавшие соответствующие слухи, появились еще в первой половине 1990-х гг. Самым заметным свидетельством подобных настроений стала книга «Россия перед вторым пришествием», вышедшая в 1993 г. стотысячным тиражом в издательстве главного русского православного монастыря — Троице-Сергиевой лавры и выдержавшая несколько переизданий. Книга представляет собой коллекцию цитат из разных источников, объединенных общей темой — предсказаниями приближения конца света в России. Автор-составитель этого православного бестселлера — бывший филолог-пушкинист С.В. Фомин, ныне весьма продуктивный православный писатель, активист канонизации Г. Распутина.

В этой книге в разделе «Отодвинутое время» рассказывается история об архиерее Антиохийской православной церкви, ливанском митрополите Илии (Караме), которому зимой 1941 г. через трое суток бдения *явилась в огненном столпе Сама Божия Матерь и объявила, что избран он, истинный молитвенник и друг России, для того, чтобы передать определение Божие для страны и народа Российского. Если все, что определено, не будет выполнено, Россия погибнет. «Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии [сказала Божья Матерь — Ж.К.]. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить. Сей-час готовятся к сдаче Ленинграда, — сдавать нельзя. <...> Перед Казанскою иконою нужно совершить молебен в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя. Когда война окончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена». Владыка связался с представителями Русской Церкви, с советским правительством и передал им все, что было определено* [Фомин 1993: 243]¹. Иными словами, согласно этой книге, советское правительство во главе с И.В. Сталиным прислушалось к пророчествам Богородицы, явившейся митрополиту Илии, не стало сдавать Ленинград и Сталинград и восстановило церковную жизнь в России. Наибольший резонанс в православ-

¹ Впервые этот текст публикуется в московском листке «Земщина» национал-радикального союза «Православное возвращение» под именем некоего петербургского протоиерея Бориса Кирилова [Кирилов 1990]. Два года спустя он появился в более умеренной петербургской газете «Собеседник православных христиан» с указанием авторства Василия Швеца, настоятеля одного из храмов Псковской области, пользовавшегося в это время даже репутацией старца, популярного среди воцерковлявшейся московской и ленинградской творческой интеллигенции [Швец 1992]. За возможность ознакомиться с этими изданиями я благодарна А.Н. Алексееву, позволившему воспользоваться его архивом.

ной среде получила информация о якобы происходивших во время войны крестных ходах с чудотворными иконами по приказу или с разрешения советского руководства. Уже упоминавшаяся газета «Жизнь вечная», например, в своем первом выпуске поместила большую статью, автор которой подерживал слухи о действенности молитв за Россию ливанского митрополита и утверждал, что видел изображение красноармейцев с красными звездами на шапках, несущих «образ Казанской Богоматери», на стене кафедрального собора в Оренбурге. Однако к моменту публикации статьи художник, свидетель чудесной помощи советским войскам от этой иконы во время сражений под Москвой, Петербургом (Ленинградом) и Царицыным (Волгоградом), уже умер, а роспись погибла при перестройке храма [Шевченко 1994]. Фрагмент облета Москвы с Тихвинской иконой Божьей Матери вошел в снятый по мотивам этой легенды фильм (1999–2000)¹. Все эти слухи, между прочим, попадают во второе, исправленное и дополненное издание «Сказания», подготовленное совместно Ново-Голутвиным монастырем и Братством во имя святого благоверного князя Александра Невского [Житие и чудеса... 1998: 59; Житие святой 1999: 59]. Только спустя десять лет эта легенда подверглась официальному осуждению Церкви, в частности, в просветительских православных журналах «Альфа и омега» и «Благодатный огонь» [Васильева 2003; Кураев 2003; Каверин 2005]². Конечно, полдесятка критических статей в интеллектуальных православных изданиях не могли одолеть силу патриотической традиции, которая не только репрезентирует Сталина как православного человека, но и прямо соотносит перспективу победы в страшной войне с восстановлением православия в СССР; согласно этой трактовке истории, только обрета свою истинную — православную — идентичность, страна оказывается способной одержать победу. В 2005 г., например, эти сюжеты вновь воспроизводятся в «Листках» Свято-Успенского Святогорского монастыря, изданных в родной для их вероятного автора Псковской епархии [Эдельштейн 2010]³.

¹ Документальный фильм был снят режиссером Николаем Раужиным, вообще специализирующимся на православной тематике, по заказу некоего «иеромонаха В.». Путевые расходы съемочной группы в Ливан оплатила неизвестная «благочестивая богомолка». Протоиерей Василий Швец был то ли информантом, то ли консультантом группы [Раужин 2008].

² Среди немногих православных публицистов, принимающих участие в этой дискуссии, следует также отметить Е.А. Газова, опубликовавшего ряд критических статей по поводу православных мифов о Второй мировой войне на сайте храма Св. Владимира Киевского и Галицкого в г. Королеве «Богомыслие» <<http://www.theonoesis.ru>> [Газов (а); Газов (б)].

³ Любопытно, что предполагаемый автор рассказа о митрополите Илии протоиерей Василий Швец является клириком Псковской епархии, для которой память о войне остается болезненным вопросом из-за Псковской православной миссии, работавшей там во время войны при поддержке оккупационных германских властей.

Православность приписывается и второму, после Сталина, герою войны — Георгию Жукову. В частности, упомянутый выше источник сообщает: *Знаменитое Сталинградское наступление наших войск 19 ноября 1942 года началось молебном перед Казанской иконой. Тогда, перед сигналом к наступлению, легендарный маршал Жуков сказал: «С Богом!»* [цит. по: Эдельштейн 2010]. Согласно инициатору (состоявшейся) канонизации адмирала Ушакова, активисту православно-патриотического движения Валерию Ганичеву, Г.К. Жуков *был глубоко верующим человеком, но в силу обстоятельств не мог проявлять это внешне* и его канонизация — лишь вопрос времени [цит. по: Филатов 2005: 329]. Главным источником информации о тайной религиозности Жукова является его младшая дочь Мария, сотрудница редакции Сретенского монастыря, написавшая книгу «Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души» [Жукова 1999]. В частности, ей принадлежит авторство рассказа о тайном благословении, полученном будущим маршалом «году в 1925» от последнего оптинского старца отца Нектария: *Ты будешь сильным полководцем. Учись. Твоя учеба даром не пройдет* [Жукова б.г.].

Объектом «православной» ревизии могут становиться и биографии других героев войны. Например, в конце 1990-х гг. в масс-медиа появилась информация о том, что знаменитый персонаж советского героического нарратива о войне, герой обороны Сталинграда сержант Яков Павлов и известный в православной среде духовник Троице-Сергиевой лавры архимандрит Кирилл (Павлов), на самом деле, одно лицо. Этот слух был намерено спровоцирован средствами массовой информации. По сведениям главного редактора Новгородской областной Книги памяти, заведующего отделом публикации документов Новгородского областного архива (сержант Павлов родом из Валдайского района Новгородской области, похоронен в Новгороде) С.Ф. Витушкина, «утка» была запущена в 1998 г. «Комсомольской правдой»¹. Реакцией на нее стал шквал публикаций, в которых, со ссылками на свидетельства близких родственников (жены и сына) Я.Ф. Павлова, умершего в 1981 г., а также на архивные документы, убедительно доказывалось обратное: знаменитый сержант в монастырь не уходил². Однако ни сам архимандрит, ни руководство Лавры этот слух не опровергали. И хотя ошибочность соотнесения сержанта Павлова

¹ Хрусталева С. Реальный Павлов умер в бедности // Комсомольская правда. 1998. № 85. 8–15.05.98; Мастная Е. Стал ли сержант Павлов старцем Кириллом? (там же). Ссылки по: [Витушкин б.г.].

² Как пишет С.Ф. Витушкин, *Новгородский областной и Вологодский областной советы ветеранов, устав отвечать на запросы ветеранов из разных городов, попросили редакцию газеты «Труд» опровергнуть большую ложь. Она опубликовала материал на целую страницу (Вержба М. Сержант Павлов не уходил в монастырь // Труд-7. 09.11.2001)* [Витушкин б.г.]. См. в материале С.Ф. Витушкина библиографию газетных публикаций по вопросу идентификации сержанта Павлова со старцем Павловым.

и старца Кирилла Павлова Церковью как будто признана, слух оказался исключительно живучим и, надо полагать, прочно вошел в ткань Большого нарратива «священной войны», в котором роли Православной церкви и государства (армии) оказываются тесно сопряжены. Это и неудивительно, учитывая, каким образом строится опровержение слухов, например, в очерке петербургского православного писателя Н.М. Коняева:

На самом деле есть в этой истории и та непостижимая до конца мистическая сторона, которая не позволяет говорить о соединении в православном народном сознании Героя Советского Союза сержанта Я.Ф. Павлова и духовника Троице-Сергиевой лавры архимандрита Павлова просто как об ошибке. <...> Не путаницу, а высокий небесный свет различаешь в <этой истории> [Коняев 2006]. Согласно версии Коняева, на развалинах знаменитого дома Павлова будущий старец, а тогда боец Советской Армии, нашел Евангелие, которое и привело его в Церковь.

Визит Сталина к старице Матроне в таком контексте выглядит вполне уместно и даже правдоподобно. Упоминание об этой встрече появляется во втором, исправленном и дополненном издании «Россия перед вторым пришествием»¹, со ссылкой на «Сказание». С. Фомин творчески соединяет пророчество из «земляческого» мемората с апокалиптическим символом из второй версии рассказа: *Безспорным [так! — Ж.К.] фактом является приезд к ней в Царицыно в октябре 1941 г. И.В. Сталина. Блаженная сказала ему: «Красный петух победит. Победа будет за тобой. Из начальства один ты не выедешь из Москвы»* [Фомин 1994: 271]. Не исключено, что именно через популярную и авторитетную в православной среде книгу Фомина сюжет о встрече Матроны и Сталина попадает в православный фольклор, так же, как это стало с рассказами о Василия (Швеца) о крестных ходах с чудотворными иконами во время войны. Это тот же самый сюжет «благословения» Сталина, что попал и в книжку Серовой, и на икону.

В ровесницах и «конкурентах» «Сказания» — агиографических опытах Дурасова о Макарии и Ильинской об Алипии — также фигурируют политические персонажи и события советской истории. Макарию Темкинскую неоднократно посещали жившая в полусотне километров мать Гагарина и сам Гагарин. Он обещал похлопотать о ее пенсии: *Я маленько справлюсь с делами, тогда и направлю пенсию, это не дело, что Вам столько платят* [Дурасов 2007: 76–77]. Макария не велела ему больше лгать, а когда он, не послушавшись ее предостережения, погиб,

¹ Первое издание вышло до публикации «Сказания».

попросила одного из приезжавших к ней священников заочно его отпеть и сама молилась об упокоении его души. В житии московской старицы Ольги Ложкиной есть предвидение гибели Юрия Гагарина и предсказание ею Чернобыльской аварии, ставшей одним из самых трагических событий конца советской эпохи и, в постсоветском осмыслении, предвестием ее конца [Трофимов 1996: 24–26, 32]¹. Сюжет о вкладе в победу появляется в ее житиях позже: *Незадолго до начала Великой Отечественной войны матушки Моисея (Ольга Ложкина) и Севестиана (Ольга Лещева) закрыли Москву от врага «на замок» — они ночью с молитвой из одной точки в разных направлениях отправились по Садовому кольцу, а встретившись, вышли на бульварное кольцо и снова направились навстречу друг другу* [Православные подвизницы... 2009: 38].

Зачем агнографам нужны политические персонажи? Жданова (между прочим, репрессированная), очевидно, пишет о Сталине не для того, чтобы его обелить или сделать православным. Ее (или редакторов) мотивы состоят в том, чтобы: а) «историзовать» свою героиню через соотнесение с реальной личностью и событиями; б) заявить о «могуществе» святой; в) дать еще один убедительный пример ее неоднократно проявившегося дара предвидения. Видимо, похожими мотивами руководствуются и биографы других потенциальных святых, чья жизнь пришлась на советское время. Сочетание в одном тексте, нарративном или визуальном, двух штампов — иконы («аутентично-русского») и плаката, назовем мы этот ход китчем или постмодернизмом, является одновременно стилевой и сущностной характеристикой современного российского православия. Новые агнографы чутко воспринимают перспективы использования таких важных для массового сознания образов советского прошлого, как победа в Великой Отечественной войне и освоение космоса, а также связанных с ними исторических личностей. Лояльная к советскому прошлому история православия (и история святых советского времени) оказывается понятной и востребованной довольно широким кругом верующих. Видимо, слова Ювеналия о провале церковного проекта канонизации новомученников не только отражают современное состояние дел с почитанием святых советского времени, но и указывают, что державно-патриотическая редакция истории Православной церкви в Советском Союзе имеет не меньшие

¹ Предсказывала Чернобыльскую катастрофу киевская старица Алипия и указала на лекарство от радиации: смесь кагора с пепси-колой. В результате употребления этого напитка, «освященного молитвами старицы», ее духовные чада, согласно А. Ильинской, избежали болезней, вызванных радиационным облучением [Ильинская 1994: 120]. Ильинская предполагает даже, что радиационное облако обошло Киев, потому что *матушка <...> молитвенно ограждала его от пагубы, как крестный ход совершала* [Ильинская 1994: 117].

популярность и перспективы, чем нарратив о страданиях и унижениях, выпавших на долю Церкви и верующих в советские годы.

Заключение

С момента публикации «Сказания» в 1993 г. образ Матроны претерпел серьезные изменения: произошло стремительное превращение деревенской «знающей» в старицу «национального масштаба». Консервативное агиографическое (и шире — религиозное) направление внутри современного православия поддерживает образ Матроны — простой мирянки, сохранившей в советском обществе деревенскую православную веру и передавшей ее своим почитателям. В этих вариантах ее жития, издаваемых, в частности, Свято-Покровским монастырем, сохраняются бытовые подробности советской деревенской жизни — от раскулачивания до веры в сглаз и порчу. Эпическая репрезентация героини осуществляется в рамках креативной религиозности, порождающей националистический религиозный нарратив. Он разрабатывается как в откровенно национал-патриотических изданиях, вроде «России перед вторым пришествием», так и в выпускаемых светскими издательствами книжках для широкой («невоцерковленной») аудитории. В последних Матрона может сравниться с Сергием Радонежским; предпринимается даже попытка использовать «патриотический» образ Куликова поля, в относительной близости от которого находится родная деревня Матроны [Серова 2009: 20; Чуднова 2009: 16]. В зависимости от политики агиографов меняется и роль истории о встрече Матроны со Сталиным. Если автору «Сказания» исторический персонаж по имени Сталин нужен для придания убедительности и масштабности ее «земляческому» рассказу о старице-мигрантке, то националистический нарратив, наоборот, использует Матрону в качестве фона для создания образа православного правителя, близкого народу и о народе радеющего. Консервативный вариант жития вообще избавляется от этой неоднозначной для истории РПЦ МП политической фигуры.

История с иконой наглядно показывает, какие формы принимает процесс (де)секуляризации постсоветского общества в его российском варианте. Одна из особенностей этого процесса, в православном сегменте религиозности, — размывание границ между светским и религиозным. При этом экспансия православных символов и практик в светскую сферу, от публичной политики до приватной фертильности, вовсе не говорит об успешности религиозной миссии; наоборот, выполняя, главным образом, орнаментальную функцию в светской сфере, православие само неизбежно секуляризируется.

А злополучную икону из церкви убрали. Говорят, сейчас она хранится в семье давших на нее пожертвование благотворителей. Отца Евстафия понизили в должности, сделав вторым священником в том же храме. Иконописец, написавший образ, потерял ряд заказчиков и до сих пор недоумевает, почему эта его работа вызвала такой общественный резонанс.

Библиография

- Бойков И.* «Сталин был верующим...» Беседа с игуменом Евстафием // Завтра. 2008, 22 октября. № 43 (779).
- Васильева О.Ю.* «Церковный сталинизм»: легенды и факты // Альфа и омега. 2003. № 4 (38). С. 199–205.
- Витушкин С.Ф.* Тот самый Павлов // Сайт «Архивы Новгородской области. Официальный сайт архивной службы Новгородской области». Б.г. <<http://ivstanok.ru/ganino-knigapam.html>>.
- Газов А.* Великая Отечественная война в современной церковной литературе // Сайт «theonoesis.ru / Богомыслие». Б.г. (а) <<http://www.theonoesis.ru/compositions/voina.php>>.
- Газов А.* «Православность» Великой Отечественной войны: (безобидно ли «подкрашивание» церковной истории?) // Сайт «theonoesis.ru / Богомыслие». Б.г. (б) <http://www.theonoesis.ru/compositions/prav_st_vov.php>.
- Дурасов Г.* Богом данная. Жизнеописание блаженной старицы схимонахини Макарии. М.: Сатис, 1994. 191, [1] с.
- Дурасовъ Г.П.* Схимонахиня Макария. М.: Валаамское общество Америки, 2007. 111 с. (Библиотека журнала «Русский паломник»)
- Евсин И.В.* Светильник веры. Жизнеописание блаженной Пелагеи Захаровской. Рязань: Зерна, 2006. 80 с.
- Жизнеописание блаженной старицы Матроны / Авт.-сост. З.В. Жданова. М.: Междунар. изд. центр православ. лит., 1996. 157 с. (Подвижники благочестия XX века)
- Житие и акафист святой праведной блаженной Матроны Московской. М.: Покров. ставропиг. жен. монастырь, 2004. 127 с. (Подвижники благочестия XX века)
- Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / Авт.-сост. З.В. Жданова. Переславль-Залесский: Букварь; Благотвор. Братство св. благовер. великого кн. Александра Невского, 1998 [1999]. 319 с.
- Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской. М.: Свято-Покров. ставропиг. жен. монастырь, 1999. 282, [6] с.
- Житие и чудеса блаженной старицы Матроны / Авт.-сост. З.В. Жданова. Коломна: Свято-Троицкий Ново-Голутвин монастырь, 2006. 319 с.
- Жукова М.* Маршал Жуков и старец Нектарий. Верил ли Жуков в Бога? // Православный сайт «Келия». Б.г. <<http://www.kelia.ru/pages/marshal-starets.htm>>.

- Жукова М.Г.* Маршал Жуков. Сокровенная жизнь души. М.: Срет. монастырь, 1999 [2001; 2002; 2003]. 61, [2] с.
- Ильинская А.* Светильник леса Голошеевского — блаженная старица Алипия // Ильинская А. Матушки земли русской. М.: Литературная учеба, 1994. С. 101–168.
- К.В.П.* Угодница Божия Пелагея Рязанская. Воспоминания раба Божия Петра / Записал и сост. К.В.П. // Жизнь Вечная. 1996. № 18, март. С. 2–3.
- К.В.П.* Воспоминания о Пелагии Рязанской / Сост. К.В.П. // Жизнь вечная. 1997. № 33. С. 8–11; № 34–35. С. 6–7.
- Каверин Н.* «Православные» мифы о Великой Отечественной войне // Благодатный огонь [Приложение к журналу «Москва»]. 2005. № 13. С. 6–10.
- Кирилов Б., прот.* Чудеса от Казанской иконы Божьей матери // Земщина. 1990. № 10, 12.
- Козлова М.А.* Конец света и время настоящее. Эсхатология в современной деревне // Сайт Российского государственного гуманитарного университета. 01.12.2008 <<http://cmb.rsuh.ru/article.html?id=66604>>.
- Коняев Н.* «Надлежит быть и разномыслиям...» // Вера-Эском [Православная газета Севера России]. 2008. № 558. Февраль. Вып. 2.
- Коняев Н.М.* Россия стоит на сержантах Павловых. Защитники Отечества // Ежедневное интернет-СМИ «Православие и мир». 2006, 9 мая <<http://www.pravmir.ru/rossiya-stoit-na-serzhantax-pavlovux/>>.
- Кураев А.* Война: чудо и сказки // Альфа и омега. 2003. № 4 (38). С. 191–198.
- Кураев А.В.* Окультизм в православии. М.: Фонд «Благовест», 1998. 382 с.
- Лоевская М.М.* Проблемы современной житийной литературы: агиографический кич, миссионерство, мифологизация // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005а. № 1. С. 102–117.
- Лоевская М.М.* Русская агиография в культурно-историческом контексте переходных эпох. Автореф. дисс. ... док. культурол. М., 2005б. 46 с.
- Митрохин Н.М.* Архимандрит Наум и «наумовцы» как квинтэссенция современного старчества // Религиозные практики в современной России / Под ред. К. Русселе, А.С. Агаджаняна. М.: Новое издательство, 2006. С. 126–148.
- Митрохин Н.М.* Русская православная церковь: современное состояние и актуальные проблемы. М.: НЛЮ, 2004. 646 с.
- Молчанова И.* Приход Сталина под Санкт-Петербург // Московский комсомолец. 2008, 27 ноября. № 265. С. 1.
- Мороз А.Б.* К семантике слова «Книга» в народной культуре: книга как сакральный предмет // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 267–276.

- На могиле Матушки. Свидетельства о посмертных чудесах блаженной Матроны. М.: Даниловский благовестник, 2007. С. 120–141.
- На пажити Богоматери. Киево-Печерской лавры монахиня Алипия / Сост. Л.А. Некрашевич. Киев, 2007 [2001; 2005]. 224 с.
- «Народная Библия»: восточнославянские этиологические легенды / Сост. и коммент. О.В. Беловой. М.: Индрик, 2004. 575 с.
- [НГ 2008] Скандал: в РПЦ завелись сталинисты // НГ-религии [газ., Москва]. Приложение к «Независимой газете». 2008, 3 декабря. № 21.
- О жизни и чудесах блаженной Матроны. М.: Даниловский благовестник, 1997. 143 с.; 1998. 151 с.
- Окашева Н.Е.* Современное русское юродство. Дисс. ... маг. религиоведения СПбГУ, 2004.
- Панченко А.А.* Религиозные практики: к изучению «народной религии» // Мифология и повседневность. Вып. 2. СПб.: Б.и., 1999. С. 198–218.
- Панченко А.А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2004. 541 с.
- Панченко А.А.* Эсхатологические рассказы // Традиционный фольклор Новгородской области. СПб.: Тропа Троянова, 2006. С. 232–249.
- Пастухова Е., Коробов П.* Образ Сталина отлучили от церкви // Коммерсант. 2008, 28 ноября. № 217 (4034).
- Петлянова Н.* Сталин в нижнем приделе // Новая газета (С.-Петербург). 2008, 1–3 декабря. № 89. С. 13.
- Поздняев М.* Молитва палачу // Новые известия. 2008, 26 ноября. № 216. С. 1, 4.
- Православные подвижники XX столетия: 70 жизнеописаний, воспоминания современников, поучения, подвиги и чудеса, молитвы / Сост. С.С. Девятовой. М.: Артос-Медиа. 2009. 413 с.
- Рассказы о чудесах блаженной Матроны. Житие. Акафист. Молитвы. М.: Артос-Медиа, 2005. 62, [1] с.
- Раужин Н.* «И услышал я голос с неба». История создания фильма о Митрополите гор Ливанских Илие Карам // Православный образовательный портал «Слово». 2008, 13 марта <<http://www.portal-slovo.ru/art/38911.php>>.
- Савчук А.Н., Удовиченко В.Ф.* Стяжавшая любовь: посвящается блаженной памяти монахини Алипии Голосеевской (Авдеевой). Киев, 2005. 607 с.
- Семенова А.* Святые Ксения и Матрона. Чудеса спасения. СПб.: Невский проспект, 2005. 155, [1] с. (Исцеляющие святыни)
- Серова И.* Помощь святых. Матрона Московская. СПб.: Веды, 2009 [2008]. 189, [2] с.
- Серова И.* Помощь святых. Матрона Московская. 2-е изд., доработ. и испр. СПб.: Глагол Добро. 2010. 192 с.
- Сказание о житии Блаженной Старицы Матроны / Сост. и написала З.В. Жданова. Коломна: Свято-Троиц. Ново-Голутвин. жен. монастырь, Б.г. [1993]. 126 с.

- Трофимов А.А.* Блаженная старица схимонахиня матушка Ольга (Ложкина Мария Ивановна). М.: Храм во имя Фрола и Лавра в с. Ям; Русский Хронограф; Паломник, 1996. 89, [3] с. (Православный приходской сборник. Вып. 1)
- Филатов С.* Русская Православная Церковь в поисках культурно-эстетического национального идеала // *Aesthetics as a religious factor in Eastern and Western Christianity: Selected Papers of the International Conference at the University of Utrecht in June 2004 / Ed. by Wil van den Bercken and Jonathan Sutton. Leuven; Paris; Dudley, MA: Peeters, 2005. P. 325–339.*
- [*Фомин 1993*] Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С.В. Фомин. Сергиев Посад: Свято-Троиц. Сергиева лавра; М.: Посад, 1993. 381 с.
- [*Фомин 1994*] Россия перед вторым пришествием (Материалы к очерку русской эсхатологии) / Сост. С.В. Фомин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Родник, 1994. 508 с.
- Чуднова А.* Вам поможет святая блаженная Матрона Московская. М.: АСТ, 2010. 128 с. (Святые вам помогут)
- Шантаев А., свящ.* Святые блаженные-калеки в современной житийной литературе. Рассмотрение основных типологических признаков. М.: Благо, 2004. 157, [2] с.
- Швец В.* Казанская икона Божией матери — благословение России и Петербургу // *Собеседник православных христиан.* 1992. № 2. С. 7–8.
- Шевченко С.* Радуйся, врагов одоление! // *Жизнь вечная.* 1994. Ноябрь. № 1. С. 2.
- Штырков С.А.* После «народной религиозности» // *Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии.* СПб: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. С. 7–15.
- Эдельштейн Г., прот.* Возрождение Русской Православной Церкви под сенью свастики, серпа и молота. Фрагмент из нового издания «Записок сельского священника» // Портал «CREDO.RU». 2010, 11 января <<http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=2639>>.
- [*Ювеналий 2004*] Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, Председателя Синодальной комиссии по канонизации святых. 5 октября 2004 года // *Церковный Вестник.* Официальное издание Русской Православной Церкви. 2004, октябрь. № 19–20 (296–297) <<http://tserkov.eparhia.ru/numbers/synodalinstitutions/?ID=1199>>.
- Kahla E.* Life as Exploit: Representations of Twentieth-Century Sainly Women in Russia. Helsinki: Kikimora Publications, 2007. 308 p.
- Weichert B.* «Помолимся побыстрее! Другие тоже хотят». The veneration of Saint *Matrona* of Moscow, righteous and blessed. Paper presented at conference “Spiritual Spaces of Russian Culture: Meanings of Space, Place and Religion in Russia’s Past and Present”. Gregynog, UK. 11–13 April 2003.